

*Из последнего письма о. Сергия,
к Духову Дню, 5 — VI (23 — V) 1944 г.*

...Как я хорошо помню этот день, 26 лет назад, в Москве, когда, приблизительно, в этот же час (около 4-х), с подрясником в руках, но еще в черном сюртуке, отправлялся из своего дома в Данилов монастырь, к Преосвященному Феодору¹⁸ на ночлег к рукоположению.

Из переписки с Л. А. и В. А. Зандер

Муж и я встретились с о. Сергием вскоре после его высылки из России и приезда за границу. В начале 1923 г. он прожил некоторое время в Константинополе перед своим переездом в Прагу. Как я жалела впоследствии, что не удалось в то время поговорить с ним о его посещении храма Айя-Софии¹! О впечатлении своем он написал заметку в своей записной книжке, которая была напечатана в посмертном издании 1946 г.* Как и о. Сергей, я почувствовала в Айе-Софии нечто «свое» и не раз заходила туда помолиться, когда жила с родителями в Стамбуле. Но о. Сергия я увидела впервые, еще не будучи с ним знакома, в другом храме, св. Николая Чудотворца** (в Харбие²), разрушенного турками после вступления в город Кемаля³.

Я состояла в сестричестве, несла дежурства при храме и находилась в нем, когда, быстрыми шагами, вошел в него, не взглянув на меня, незнакомый священник и прошел прямо в алтарь, хотя службы в это время не было. Через некоторое время он так же быстро вышел, точно погруженный в свои думы. Поразило меня тогда сочетание какой-то окрыленности его движений и строгости, почти суровости, его лица. Вероятно это мимолетное посещение церкви произошло перед самым его отъездом в Прагу. В это время в Праге уже находился мой будущий муж (о чем я тогда не знала, т. к. встретились мы с ним, после шести лет отсутствия сведений друг о друге, только в конце 1923 г. в Париже), Лев Александрович

* Прот. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки (посмертное издание). Предисловие и примечания Л. А. Зандера. ИМКА-Пресс, Париж 1946.

** В том же 1923 г. и в том же храме служил в Духов день мой отец (о. Александр Калашников) после своего рукоположения.

Зандер, только что тогда приехавший из Дальнего Востока. Он, еще по Петербургу, слышал об С. Н. Булгакове, читал его статьи, вышедшие в России до революции и, встретив его в Праге, сразу же обрел в нем своего духовного руководителя, которому он верно служил всю свою жизнь.

Я же «по-настоящему» встретила с о. Сергием на студенческом съезде в Аржероне в июле 1924 г.⁴, а 8 августа того же года он меня с Львом Ал. обвенчал в Клямарской церкви⁵, построенной трудами друга о. Сергия, кн. Григория Ник. Грибцецкого и настоятелем которой был тогда мой отец, о. Александр Калашников.

Осенью 1925 г. о. Сергей с семьей и мы с мужем обосновались в Париже, где, к тому времени, был создан Богословский Институт. О. Сергей был приглашен занять в нем кафедру богословия, в связи с чем в последующие годы ему пришлось вынести много несправедливых нападок из-за несогласия с его «теологуменами»⁶ инакомыслящих, часто даже не читавших его произведений, а судивших о них только понаслышке. Вскоре в Институте начал преподавать и Л. А. Зандер и на нашей квартире о. Сергей собирал профессоров Института и людей, интересующихся богословием, для проведения семинаров, посвященных богословским вопросам. Со времени этих встреч и бесед с о. Сергием стала все более укрепляться наша дружеская и духовная связь с ним. Как мы с мужем, так и мои родители и сестра Наташа избрали отца Сергия нашим духовным отцом, а он, в свою очередь, назвал моего отца своим «аввой» и регулярно ездил к нему исповедоваться.

Во время нашего трехлетнего пребывания в Прибалтике (где Л. А. Зандер вел миссионерскую работу среди молодежи) и летних каникул мы часто переписывались с о. Сергием и переписка эта длилась почти двадцать лет, до самой смерти о. Сергия в 1944 г. После его кончины мне передали многие, трогательно им сохраненные, письма от нас, кроме тех, носивших духовнический характер, которые мы его просили уничтожить. Также и мы хранили его письма, и теперь, на склоне своих лет, я предполагаю возможным частью этой переписки поделиться с теми, кому дорог образ о. Сергия, скрывавший под иногда суровой внешностью, нежную, чуткую и отзывчивую душу. Для этой переписки он жертвовал своим драгоценным временем и называл свою переписку с духовными детьми «эпистолярным»⁷ богословием».

6/19-IX-1928

Дорогая дочь Валентина!

Был очень тронут Вашим милым и добрым письмом и благодарю за него. Спасибо Вам за описание Вашего переживания. Вам,

вероятно, известно, что мы с Л. А. молились в это время в Успенском приделе. Что мне сказать в ответ на Ваши любящие обо мне мысли? Зная, что и в грязной луже отражается солнце, внемлю тому отражению, которое Вы видите. И скажу, что, во-первых, Вы, вероятно, правы в том, как мало во мне отцовства всяческого, и духовного, но, во-вторых, Вы все же поразили меня тем ведением Отчей Ипостаси, которое Вам дано было в мгновении. Я вообще впервые встречаюсь с религиозным опытом такого типа и, конечно, стараюсь им назидаться.

Конечно, Отчая Ипостась есть не только Отцовство, но и Начало, которое в Себе не открывается (а лишь в Сыне и Духе), оставаясь трансцендентным, однако есть Отец прежде всего Единородного Сына, а затем и всякого блудного сына к нему приходящего. Для меня всегда бывает некоторое торжество при возглашении (перед Отче наш) «небесного Бога Отца» и первых слов молитвы Господней.

Светлая Среда 29 г.

...Те соображения относительно женского служения в отношении к ангельскому я могу принять лишь в том условном и ограниченном смысле, в каком Вы его и сами выражаете, — жена как помощница, ибо не добро быть человеку единому. Для того, кто остается один в человеческом смысле, ангел является выводящим из единства... Впрочем, об этом я достаточно говорю в книге. Я сделал свое дело и теперь уже перехожу к другим мыслям и задачам. До сих пор не чувствую, чтобы книга была особенно замечена, да этого не ждал и не притязал. Но я имею несколько совершенно замечательных по пламенности писем, которые свидетельствуют, как касается их сердец ангельский мир, но и сами эти люди, по-своему, тоже замечательные. Ваше письмо я отношу к числу этих англологических⁸ документов. Спасибо Вам.

Мы закончили в этом году софиологический семинар. Не знаю, будет ли он повторяться и продолжаться. Едва ли. Но я не имею оснований быть им недовольным. Были острые вопросы, иногда высекались какие-то искры, вообще чувствовалось пламя догматической жизни. По нынешним временам за это надо благодарить Бога.

Очень я воодушевлен по обычаю поездкой в Англию на конференцию. Всякий раз у меня от нее вырастают крылья, которые затем куда-то, конечно, исчезают...

Сегодня на прогулке, чрез зеленую сетку ветвей, так прозрачно было присутствие ангелов, эту красоту блюдущих и творящих...

28—XII—1929

Дорогие мои Валя и Лева,

...В нашей академической жизни все относительно благополучно, но все стало сложнее и труднее, хотя может быть и благодатнее, потому что Владыка несет с собой начало не закона, а благодати, перед которым мы чувствуем себя сморщенными законом... что и это начало «благодати» не в состоянии расшатать. Но, конечно, невозможно учесть, насколько положительного вносит присутствие человека, у которого доброта граничит, с одной стороны, со святостью, а с другой, с безответственностью. Я лично всегда чувствую себя постыженным первым и нередко искушаемым вторым. На софийные темы долго не приходилось разговаривать, но Владыка иногда заходит на мой имяславческий семинар (Владыка ведь имяславец, хотя это и соединяется у него со софиеборством)⁹. Семинар состоит в том, что я прочитываю большую часть своей книги об Имени Божиим, причем она оказалась лучше и более поддающейся демонстрированию чем я думал...

8—VIII—1933

Дорогая Валя, я еще не поблагодарил тебя за твои приветственные строки ко дню преп. Сергия...

...У меня такое чувство, что он — **наш**, нашего духа. Может быть, это духовное самомнение, может быть негоже мерить великих святых нашим аршином, но ведь и делаем это непрестанно. Но невольно хочется, во имя христианской свободы и культуры... верить, что все, о чем мы мечтаем, думаем, делаем, имеет на себе и его благословение. Ибо Угодник наш был муж свободного, творческого духа... и его послушание было самоотвергающаяся любовь и забота, а его созерцание — Св. Троица и София-Премудрость Божия, Нужно это расслышать через века и ощутить тот источник вдохновения, которым жила от него вся Сергиевская эпоха. Из твоего письма, как всегда, звучит чистая и кроткая музыка любви и вдохновенности.

Твое видение Страшного Суда замечательно своей детскостью, без которой не войти в Царство Божие: «...перекрестила девочку и пошла...» У меня нет такой светлой наивности (когда-то я имел апокалиптический сон о конце мира, когда светила опустились над головами как... лампы, но помню самое чувство). Конечно, имею, хотя и немощное, чувство страха Страшного Суда, стыда пред Господом и всеми людьми и больше всего от недостатка любви, грехов делания и — особенно почему-то — неделания: все станут пред глазами кого мы должны были возлюбить и не возлюбили...

Это как «предварительный суд» по смерти и даже самый час смертный. А вот эсхатологический Страшный Суд — он уходит все дальше и глубже — в область духовных символов...

Я здесь живу среди зеленых шатров, лугов и полей, наслаждаюсь и восстанавливаюсь. Совестно, что как будто тупею и вне жизни, в глубине реки, но вместе и собираюсь с мыслями и, если позволено так выразиться, духовно зачинаю, хотя и дается это все труднее и скуднее «в это прочее лето живота». Предаюсь созерцаниям о Духе Святом среди природы, которая есть Его царство.

...Через две недели возвращаюсь в Париж и кажется, что уже давно-давно провел в отрыве от жизни под зеленой кущей... Конечно, такое уединение дает место для молитвенного сосредоточения. Но с ним фактически спорит богословское напряжение, которое тоже принадлежит к богомыслию. Так и барахтаюсь, как и всегда, между двумя центрами, которые, конечно, суть один, но он в такой глубине, что не ощутишь...

2-VII-1935

Дорогие В. и Л.

...Конференция Fellowship* была трудна... Но вдруг совершилось чудо, и я почувствовал с очевидностью, какая динамика в proposal¹⁰ об intercommunion¹¹ и как все, даже в борьбе против, передвинулось.

В окончательном итоге было признано, что мы уже одно, и хотя отвергнуты немедленно практические шаги, но мы находились уже в состоянии духовного intercommunion. Я вытянул за уши подлинное значение этой идеи, которая была неосторожно выдвинута в полемике и на следующей конференции предложил богословское выяснение этого единства, частью уже это сделал в своей речи. Кроме того, было выражено желание, чтобы на следующей конференции было особое моление с выражением repentance¹² о существующем разделении и подал пример особо составленной молитвы, читанной мною на вечерне... Так что, принципиально ворота открыты. Для меня это как «ныне отпускаеши».

8-VIII-1936

Дорогой Лев Александрович, только что прочел присланный Вами очерк. Он для меня нов и интересен. Конечно, мне не следовало бы читать предварительно эти страницы (в защиту богословия

* Содружество св. Сергия и св. Албания устраивало в Англии (и до сих пор устраивает) ежегодные съезды, на которых участвовали англикане, пресвитериане, католики и православные.

о. Сергия по-английски. В. З.), как меня и моего дела касающиеся, и, так сказать, апробировать те слова любви ко мне, на которые можно отвечать только благодарной любовью, но не отсылкой их для печати. Но, в то же время, я понимаю то громадное чувство ответственности Вашего изложения. Я благодарю Бога за Вашу верность не мне, а тому, что со мною связано — вот, что я могу сказать. Я нахожу Вашу работу превосходной в отношении к поставленной ею задаче, — открыть глаза иностранцам на смысл того, что в русской мысли сейчас происходит. И Вы делаете это с таким искусством, с таким даром простоты в изложении (недаром я Вас считал всегда педагогом *par excellence*¹³) и (конечно, я должен здесь отвлекаться от того, что меня лично касается, это выше моей компетенции) с таким тактом, что я считаю Ваш очерк полезным вкладом в наше общее дело. Может быть он поможет и продвинуть в печатание английской софиологии.

...Вы подходите со стороны «Света Невечернего», а я теперь иду со стороны триадологии, но Вы об этом же и говорите. Полемические места достойны и сильны. Между прочим, наша фактическая православная космология есть малограмотный томизм¹⁴. Это лето, в связи с ходом своего преподавания, я фактически занимаюсь томизмом. Это очень *Saure Arbeit*¹⁵, но и очень поучительно как с точки зрения отрицательной, так сказать, софиологии и проблематики, так и само по себе. И, насколько можно придать какое-либо богословское выражение среднему православному мировоззрению, это есть смесь... томизма с бартинством¹⁶. Однако томизм имеет для себя право на существование хотя бы в силу того колоссального труда мысли, который в него вложен и сверхъестественной универсальности его творца, а у нас... В сущности вульгаризованный томизм господствует и в англиканстве и есть вообще некоторая средняя линия благочестивой мысли...

28—VIII—1936

Дорогой Л. А., посылаю обратно Вашу статью*. Она мне очень по душе пришлась и вообще такого об экуменическом движении нигде не было написано, фактически практикуется или протестантствующий интерконфессионализм, или... цинизм (боюсь, среди православных больше). Вы же поставили вопрос искренно, смело и прямо. Посвящение (хотя оно тактически и противоположается) приемлемо с любовью, ибо вижу здесь действительно свое: *Sergius per Leonem*¹⁷, не в смысле заимствования (потому что я никогда такой статьи не задумывал), но общего вдохновения,

* Об экуменизме.

в связи с Вашим личным, исключительным опытом. Конечно, будет вой. Но дерзайте убо, дерзайте, людие Божии.

Несколько словесных поправок, если позволите, большей частью по соображениям стилистическим...

Больше всего я возражаю против выражения «христоносец», «христоношение» (стр. 10, 11, 12). Воля Ваша, но это звучит коряво и напоминает не только орденосец или крестоносец, но и другие «носцы» (помните эпиграмму на Победоносцева?)... Поэтому можно заменить: жизнь во Христе, облечение во Христа, явление лика Христова. Выбирайте сами, но, уверяю Вас, что христоношение или христофория, которое Вам дорого по мысли, для глаза и уха трудно.

Любящий и благодарный о. Сергей

Следует сделать вставку на стр. 23 об оправославлении экуменического движения, что-либо вроде моего написанного; или напишите сами.

17–IV–1939 г., Л. А. Зандер был в клинике у о. Сергия, который карандашом написал на листке бумаги:

«Можешь ли дерзать? Нельзя, если Бог не дает».

И далее описывает свои переживания:

«В 1925 г. я умирал, видел свет и тайну смерти, а здесь смерти не было, а была лишь тьма не-жизни, — Христово умирание с Ним: положиша Мя в рове преисподнем, в тьме и сени смертной.

Вскую оставил, — вот что было.

Физически я был, конечно, на грани смерти, но не умирая, а только преодолевая полу-человеческие страдания, без откровения, и это было самое страшное и смертное. Конечно, смерть принесла бы свою радость и свой суд, но этого не было. Странная перестановка откровений: 1939–1925. В 1925 тебя здесь не было. Такие были бездны богооставленности, — так раскрывались эти стороны Христовой страсти. Пасхи у меня не было... Все это я говорю не чтобы утратить, но чтобы показать торжество. “Розового христианства” не приемлю. Это я и хотел сказать тебе и всем кого люблю, как откровение.

Но как я всех любил там, даже до удивления. Помочь мне никто не мог (вскую оставил). А затем, конечно, это страшное испытание — немота. А твой образец со мной.

Я думаю: Какие бы нечеловеческие муки я испытывал, если бы был так отлучен от всего год назад, а теперь у меня мир и радость, как будто мне самому ничего не нужно... Как Наташа, мальчик? Благословляю всех. Что будет, не знаю, но отдаю себя в руки Божии. Через 4–5 месяцев, вероятно, какой-то кусочек голоса вернется, но хуже чем было не будет... Господь послал свой свет

и радость такие, что большего не надо, и столько любви, столько любви я вижу, в какой-то атмосфере любви живу...»

от Л. А. Зандер (1939-й г.)

...приходят успокоительные известия, что все протекает нормально. Повсюду слышна молитва о Вас, повсюду видишь, какое чувство любви Вас окружает.

Вам приятно будет узнать, что Митрополит окончательно дал согласие возглавить комитет по изданию Невесты Агнца. Согласие свое дал о. Сергей Четвериков¹⁸ — без колебаний и сомнений — сразу. При этом он сказал мне: ...нас соединяют с о. Сергием связи более глубокие, чем могущие быть богословские разногласия». И добавил, что если разногласия и есть богословского интереса и значительности, от этого Ваши труды не теряют; что он с величайшим интересом их читает...

от Л. А. Зандер

«...Комитет составлен. В него вошли: Митрополит Евлогий, о. С. Четвериков, о. Кассиан¹⁹, Fr. Curtis²⁰, м. Мария, Бердяев²¹, Вейдле, Вышеславцев²², Dobbie-Bateman²³, Вас. Вас. [Зеньковский], Карташев²⁴, Н. Зернов²⁵, Лаури²⁶, Лаговский, Мочульский²⁷, Пьянов, Руднев, Федоров, Андерсон²⁸, о. Цанков²⁹. Подписанная этими именами составлена листовка. Андерсон обещал эту листовку напечатать. Книга может выйти к концу года...

...Какая радость будет Вам возвращение на горку преп. Сергия из места мучения и тоски».

Письмо отца Сергия из госпиталя В. и Л. Зандер

Благодарю Господа моего, милующего нас и спасающего. Благо мне, яко смирил мя еси.

Милые мои, любимые друзья и чада, каким светом в глубокой тьме были мысли о вас, когда они проникали в затемненное сознание. Какой радостью благодатной были мне твои письма, Лева, как свет с неба, мне давал Господь такие светлы. Какой опорой для меня в трудном моем положении является ваша верность и помощь. Какой лаской приносятся твои, Валя, любовь и молитва.

Отдаю себя в руки Божии и уповаю на Него. Слава Всевышнему, слава.

1–X–1939

Дорогой Лева,

...Вынужденная разлученность, как это я знал и заранее, а на опыте узнаю теперь, есть одна из тяжелых особенностей нашего положения при наличии легальных препятствий к поезду и медленности почтовых сношений. Но теперь ни на что жаловаться не приходится, всем послано испытание... Я живу в природе и это, конечно, много облегчает мое здесь сидение, вместе с доброй молитвенной атмосферой и преданностью моих близких друзей. Страдаю от безкнижия, вернее начинаю страдать. Чтобы убивать время и, по неисправимой привычке, пишу* и, конечно, думаю, сверляще думаю о происходящем, — *sit venia verbo*³⁰, — о софиинной проблематике войны, ибо на поприще софиологии «нельзя нам отступать». Пишу, конечно, без всякой мысли о практическом употреблении. Просто думаю с пером в руках, чувствую даже и необходимость самому себе как-то ответить. Я думаю, что остаюсь в этом все-таки самим собой. О завтрашнем дне своем приходится просто не думать. Такое время. В этом контексте я воспринимаю и твою дружескую заботу о поселении меня в Англии. Я не знаю, что будет чрез некоторое время в плане трехлетней войны, но пока теперь я решительно не могу принять этого плана. За него собственно говорит только один, хотя и серьезный аргумент: именно библиотечный. Но для этого нужен именно Mirfield³¹ с его ужасным климатом и суровым режимом (я ведь его знаю). А между тем разлученность с семьей сделает это пребывание невыносимым и оставит библиотеку неиспользованной. Но, прежде всего, я нуждаюсь в медицинском уходе за горловой трубкой и, на некоторое время, — просто не могу без этого физически существовать. Далее, я нуждаюсь в разного рода уходе, потому что остаюсь полубольным, в соответственном столе (при катастрофическом сейчас и пока непоправимом беззубии). Я не могу со своим вокальным серебряным аппаратом говорить по-английски вообще и с какой-нибудь надеждой на понимание в частности, и это создает очень удручающую психологию. Наконец, я не могу жить без церкви, а теперь я уже начинаю служить, даже литургию, что дает, — конечно не другим, но мне самому, — совершенно исключительную поддержку и радость. Взвешивая все это, я остаюсь здесь на волю Божию. Очень меня заботят и волнуют всякие институтские дела и особенно судьба персонала... И тем не менее, я испытал большое удовлетворение

* В это время о. Сергей писал свою автобиографию и о софиологии войны и кое-что давал нам на прочтение.

от того, что Богословский институт не ликвидирован, пусть будет exhaustion³², но не самоубийство...

* * *

16/29–IX–1942

«Дорогие...

...Духовное же мое гурманство опять составил твой последний этюд, который я перечитал с большим признанием и даже волнением....

Ты выразил и мое собственное чувство, говоря, что Достоевский является скорее поводом для размышлений о ому- (и оми-) усианстве³³, его собственная духовная зрелость не соответствует его гениальности...

...Несмелова я читал с почтением и назиданием, но интимно не был с ним связан. Светлая жертва клерикального рабства, он должен был молчать о самом для себя дорогом и существенном, об апокатастасисе³⁴, он был последователем св. Григория Нисского, то самое, до чего я «своим умом» дошел и теперь распространяюсь в Невесте Агнца без всяких scrupules³⁵. «Ходит птичка весело»³⁶... Достоевского я все-таки здорово забыл, а перечитывать некогда и, правду сказать, не нашел бы вдохновения, — читать так сплошь, как надо, чтобы быть au courant³⁷. Интересно тебе будет прочитать том К. В. Мочульского, но он задерживается печатанием. Трогаюсь ночными думами нежной души Валиной. Она (душа) ведет с миром свой собственный разговор, а он с нею. А я умею только страдать, если не о всех и за вся, конечно, то о многих и многом. Слава Богу!...

Радуюсь и люблюсь на твой, Лева, подъем творческих сил, в такой мере я его в тебе еще не наблюдал. Бог в помощь.

23-го октября Л. А. Зандер начал книгу об о. Сергии «Бог и мир».

22–IX/5–X–1942

Дорогая Валя, сегодня получил твое письмо...

...Прежде всего, о житии преп. Серафима, которое я читал дважды с большим вниманием и умилением, так что и ночью и днем этим чтением в известном смысле бредил, таково было впечатление. Чувствуется, что ты вжилась в этот образ, а также и как поработала. Это относится к тому, как это сделано и что показано. Так можно и должно писать подобные вещи. Замечания же мои ad hoc³⁸, как я уже говорил Лева, от традиции: вне житийного обрамления выходит несколько фольклорно... но это, повторяю, не упраздняет литературные и духовные достоинства твоей вещи.

И кроме того, это необходимый опыт на очень трудном и важном пути,...

Приближается начало семестра... Я все-таки оставил за собой часть лекций и имею желание расширить свою долю участия в преподавании, насколько смогу. Очень тяжело это внутреннее бездействие, да и создает для меня ложное положение. Не нарадуюсь на этот дар Божий мне, — Алешу Князева. Передай Лева, что сегодня, уж в какой раз, снова утешался его лекциями, которые он приносит. Я вдруг с новой ясностью почувствовал, что этот дар Божий — двойной: Алеша и Лева, и не только как подвижничавший над изучением и изложением моего богословия, но и как мой сотрудник в создании моей богословской, хотя и не школы, но питомника. Я с полной ясностью увидел во всем таком отчетливом уразумении тончайших богословских проблем и учений не только его лучшую восприимчивость к ним, но и работу Левина семинара обо мне, столь настойчивую и длительную, и проникся благодарением тому, кто вел этот семинар.

С любовью отец, духовный о. Сергей

17-V-43

Дорогая Валя, спасибо тебе за память и за письмо.

«Жуткость» прозрачности я понимаю как катастрофическую неожиданность и насильственность приближения смерти, через ее угрозу в бомбардировках, после которых остается духовная травма*.

К сожалению, у меня нет точной памяти о былом и потому я не способен связать и нанизать его на одну нитку. Сам я этому пока биографически оставался чужд вследствие отсутствия опыта бомбардировок. А жуткость не ощущаю просто вследствие пережитой и переживаемой близости смерти в прошлом и настоящем. Но я держу взаперти такое личное чувство, мне как-то не до него. А что для меня важно, нужно и трудно, это найти и явить в себе «ей гряди», о чем, немотствуя, говорю в пасхальном слове. Творчество обрести есть самое трудное...

Благословляю обоих. Твой о. Сергей.

* О. Сергей на этот раз не уловил моей мысли о «жуткой прозрачности», о которой я ему говорила перед отъездом. Это касалось не страха перед бомбардировками, а того духовного трепета, который ощущается во время погруженности в молитву, когда теряешь чувство земной действительности и своей собственной телесности и стоишь перед прозрачной бездной. Но слова о. Сергия о «ей, гряди» уже дали ответ на это.

8-VIII-1934

Дорогой Лева...

Здесь теперь нет, конечно, ни тишины, ни мира. Война вступает после отставки Муссолини и успехов русского оружия, кажется, в более решительную стадию, и приходится думать о недалеком уже конце войны со всей его трагикой и проблематикой.

Ты знаешь мое политическое настроение, но вчера я слышал советское «товарищеское» радио, которое меня взволновало; доколе, Господи? Конечно, это официальный жаргон, но он существует. А недавно видел книгу «Религия в России» Изд. Моск. Патриархии 1942 г.; это вариант на тему «православие и самодержавие, патриотически захлебывающиеся изъяснения церковно-патриотических чувств иерархов, клира и мирян, причем в предисловии утверждается, что религия при советском режиме свободна, а преследования были лишь по политическим причинам. А при этом идиллические иллюстрации народного благочестия, архиерейских митр (которые и большевизм не посшибал), так что невольно спрашиваешь себя: что же ждет нас в русской церковности?

Я выехал на 3–4 дня в деревню, подышать, а главное — помолчать. По утрам — до изнеможения, но более короткое время чем ты, пишу Апокалипсис, с величайшим неудовлетворением собой; добрался до середины. Остальное время тяну...

Сегодня рукополагаем во диакона Мелиа*.

Алеша К.** с величайшей и трогательной исправностью приносит мне свои конспекты будущих лекций, в которых с безукоризненной точностью излагает мое богословие. Господь послал мне уста...

5/18-II-1944

Дорогая Валя,

... (твою статью) читаю, читаю все с большим увлечением и как бы откровением. Во первых, чисто художественным: в суконом изложении летописи (о преп. Серафиме. В. З.)*** и житийном стиле обезличиваются и гаснут духовные образы живых личностей, с их внешним обликом, голосом, характером, судьбой, у тебя же все они оживают. — Главное здесь особый дар твой — вчувствования, а потому и передачи этих образов в их собственной личной

* Ныне прот. Илья Мелиа — профессор пастырского богословия в Богословском Парижском Институте.

** Ныне прот. Алексей Князев, декан Парижского Богословского института.

*** Написанная на французском языке, книга В. А. Зандер о преп. Серафиме до сих пор не напечатана.

привлекательности и отличительности, так что хочется лишь одно сказать: как жаль, что так мало можно узнать о них, но на это умолчание есть, конечно, Высшая воля. Второе — это все растущее впечатление религиозной сказки или мифа, в самом, конечно, высшем смысле, в который перерастает у тебя житие, опять-таки в силу того же твоего дара вчувствования. Я не уверен, что оно распространится и на твоих французских читателей... и еще менее уверен, что это не потонет в русской благочестивой елейности...

Настоящее откровение, питающееся той духовной связью с преп. Серафимом, которая тебе дана и задана, как основной факт твоего собственного жизненного пути, а не сочинительство, которое мне всего труднее выносить. А в третьих... ты удивишься тому, что я скажу, — это, с моей стороны какое-то несколько недоумевающее прислушивание и всматривание в то пророчественное явление, которое мы имеем в преп. Серафиме. Я жду конца, когда это разъяснится и откроется, как для тебя открыто, но я еще спрашиваю, — с благоговейным трепетом, но и как бы со стороны: что же все это означает? С одной стороны, эта грандиозность святости и молитвенного подвига, близости к Богу, а наряду с этим вся эта бытовая, а если хочешь, вместе и над-историческая, мифическая рамка всего этого явления, именно духовного явления, некоего в нем личного апокалипсиса, и вместе как-то вне Апокалипсиса... Надеюсь, что ты в дальнейшем дашь, если не ответ, то данные для ответа на этот вопрос, не преднамеренно, но самым делом. Но из этого ты можешь заключить, какова значительность того образа, который ты, своим пером, запечатлеваешь для мира.

Благословляю труд твой, да поможет тебе рассказать о себе сам таинственный молчалник.

Твой о. Сергий

В субботу 10 июня я ощутила как бы призыв о. Сергия и пыталась найти способ поехать в Париж, но ежедневные бомбардировки разбили железнодорожные пути и сообщение с Парижем прервалось.

В воскресенье я отправилась пешком из Сент-Женевьев³⁹ и, дойдя по разрытым от бомб дорогам до станции Жювизи⁴⁰, имела возможность попасть в случайный поезд. Приехав в Подворье и поднявшись к о. Сергию, я подошла к двери его комнаты. В это время дверь полуоткрылась и о. Сергий, лежавший до того без сознания, вдруг открыл глаза, увидел меня и поманил пальцем. Когда я подошла, он меня благословил, хотел что-то написать на бумаге, но опустил в бессилии руку и снова закрыл глаза.

В. А.